

Собеседник. — 1997. — № 13. — С. 10-11

О своем будущем месте среди солисток мирового балета она заявила еще за год до окончания Московского хореографического училища, победив на международном конкурсе балетного искусства в Варне в младшей группе молодых исполнителей. Сейчас Нина Ананиашвили признанная солистка Большого театра. Ее искусством наслаждались ценители балета во многих странах Северной Америки, Европы, Азии. Ее балетная карьера сложилась удачно. Однако в жизни балерины оказалось немало эпизодов, о которых не догадывается зритель.

Она была неуловима. Месяца три на мои звонки в Большой театр стабильно сообщали, что к телефону Нина Ананиашвили подойти не может. То она оказывалась на гастролях за границей и должна была приехать только недели через две, то была на уроке, после которого будет репетиция, то еще что-то. И все-таки мы встретились. В театре. Между репетициями. Даже под двумя спортивными костюмами она выглядела очень хрупкой, невесомой, совсем не такой, как показывает телевидение.

— Не удивляйтесь, — говорит Ананиашвили, — что так долго не могла выкроить время для вас. Постоянный цейтнот. Такая жизнь — график выступлений распisan на много месяцев вперед. Спектакли, в которых должна танцевать, определены, контракты заключены — всюду надо успеть. Приглашающая сторона обычно меня знает — чаще всего я там уже выступала. А в «Американском балетном театре» и «Норвежском национальном балете» меня числят, по их формулировке, «балериной своей труппы», так как приезжаю к ним уже пять сезонов. В других странах выступаю — опять-таки их термин — как «приглашенная звезда». А главный контракт с Большим театром... Вот и приходится...

— Почему такой напряженный график?

— Век балерины короток. Я окончила Московское хореографическое училище всего пятнадцать с половиной лет назад, а уже оттанцевала, если можно так выразиться, три четверти пенсионного стажа. Промелькнул оставшиеся четыре с половиной года — можно уходить на пенсию. Но хочется так много станцевать. В Большом это

не удастся сделать. Тут очень много талантливых балерин и танцовщиков, все хотят работать, никого нельзя обидеть и не занять в спектаклях. Постановки балетов обходятся дорого, средств нет, поэтому многие произведения мирового балетного репертуара так никогда и не увидят на сцене Большого. И можно во всю жизнь не дожидаться роли, которую хотела бы станцевать.

— Глядя со стороны, кажется, что вам грех жаловаться. Думаю, вы то не обделены ролями и дома...

— Со стороны не все видно. Был год, когда я станцевала в России всего в четырех спектаклях и в семидесяти трех — за рубежом...

— Что так? Интриги? О них в свое время столько писали...

— Честно говоря, я и сама не знаю, что произошло. Странная история. С одной стороны, именно Григорович в бытность свою главным балетмейстером Большого пригласил меня на работу сразу после училища. С другой — за все время, что я работала при нем в Большом, он не предложил мне ни одной партии в поставленных им балетах. Ни в одном.

— Он вас недолюбливал за что-то?

— Да вроде бы нет. Я его всегда уважала, и он считал

меня своей. Например, я проработала в Большом всего один сезон, когда балетная труппа готовилась к гастролям в Германии. И вот за два дня до отъезда мне говорят: Нина, у вас завтра репетиция «Лебединого озера».

Я подумала, что речь идет о партии испанской невесты, которую я когда-то танцевала, но на гастролях, как я знала, ее должна была исполнять другая балерина. Поэтому удивилась: «Я уже давно не танцевала испанскую невесту».

— Да не испанскую. Юрий Николаевич (Григорович. — Авт.) сказал, что Одетту-Одилию». — «Но я ее никогда не танцевала!» — «Ничего не знаем. Юрий Николаевич

сказал, чтобы репетировала...» В полном шоке звоню Наталье Викторовне Золотовой, своему педагогу еще по училищу, самому близкому человеку в Москве: что делать? Срочно в класс, говорит она. Тут же перезваниваю Раисе Степановне Стручковой, моему репетитору в Большом. Та тоже: «В зал — работать!»

В оставшиеся дни эти люди с утра до ночи до полного изнеможения готовили со мной мою партию...

— Ну и?..

— Представьте себе, все получилось лучшим образом. Но я не о том, а об отношении ко мне Григоровича. Этот пример показывает, что мне грех на него жаловаться...

— Смотреть из зрительного зала — танец балерин напоминает полет птиц или бабочек. На деле оказывается, их работа не праздник — каторжный труд.

— Вот умные люди и установили, что балерины и танцовщики уходят на пенсию при стаже в двадцать лет. Ведь их организм уже бывает изношен так, как в других профессиях — при пятидесяти годах стажа.

— Но бывают же дни, когда вы отдыхаете?

— Разумеется... На второй день после большого спектакля. Сама

я не проверяла, но, говорят, после выступления балерина теряет два килограмма. А ребята, занятые в «Спартаке», даже по три. Что касается меня лично, то кроме физической я испытываю страшную эмоциональную усталость. Почему-то во время танца всегда так нервничаю, так переживаю, что и вернувшись вечером домой, никак не могу успокоиться. Удастся уснуть только часов в пять-шесть утра. Вот в этот день я позволяю себе не идти на урок и репетицию.

— Ну а отпуск?

— Отпуск — святое дело. Тут уж я не подхожу к станку и никаких, понятию, репетиций.

— Гастролируя, вам часто приходится перелетать то далеко на запад, то еще дальше на восток. Как вы приспосабливаетесь к смене часовых поясов? Или на молодой организм такие перепалы не влияют?

— Если бы... Как-то, прилетев в Америку, я после первого спектакля была приглашена на прием, где познакомилась с членами нашей олимпийской делегации, среди которых были и спортивные врачи. Оказалось, что они присутствовали на моем спектакле, наговорили мне комплиментов, заинтересовались, давно ли я прилетела из Москвы. Узнав, что всего второй день, они чуть в обморок не упали: для нормальной акклиматизации нужно на новом месте прожить столько дней, какова разница в часовых поясах! Спортсмены, мол, строго соблюдают это правило.

— А вы всегда пренебрегаете им?

— А что делать? Приглашающая сторона не может оплачивать расходы в адаптационные дни. Там привыкли экономить на всем.

— И организм все эти нагрузки терпит?

— К сожалению, не все... Полтора года назад я поскользнулась в зале, упала и девять месяцев не танцевала.

— Где же были врачи?

— Здесь не определили даже, что со мной произошло.

Когда я упала в первый

Нина Ананиашвили:

«ЧЕРЕЗ ЧЕТЫРЕ ГОДА.

НА ПЕНСИЮ»

В Большом можно всю жизнь не дожидаться роли, которую хотела бы

станцевать: тут очень много талантливых людей, все хотят работать и никого нельзя обидеть.

раз, сказали, что это обычный вывих коленного сустава, довольно распространенная травма балерин. Чуть-чуть подлечили, и я снова стала работать, и снова два вывиха. Теперь я не танцевала подольше. И когда казалось, что все позади и нога даже перестала болеть, пришло время лететь в Америку, где, согласно контракту, я должна была танцевать в «Метрополитен» с «Американским балетным театром», с которым я выступаю уже пять сезонов. Отказаться было невозможно, так как заранее была проведена рекламная кампания, билеты распроданы, все спектакли и их участники объявлены, менять ничего нельзя. Там ведь любители балета ходят на конкретные имена. Да и с ногой все было вроде бы в порядке, хотя она была еще слабой. И вот на репетиции американский физиотерапевт спрашивает: «Нина, что-то у вас колено сильно ходит. Как вы можете танцевать?» И американцы не успокоились, пригласили специалистов, и те определили, что у меня порвана задняя крестовидная связка, попросили не выступать, а сделать операцию. Нина, говорят, вы не нужны нам на один сезон. Нам хотелось бы, чтобы вы приезжали регулярно и в будущем. Я оценила их заботу и особо благодарна американскому хирургу, отлично проведшему операцию. Сейчас танцую без проблем.

— Операция стоила дорого? — Очень... — Ее оплатила пригласившая сторона?

— Нет, я сама. Ведь хирургическое вмешательство не было предусмотрено контрактом, а американской медицинской страховки у меня нет. Так что... Но не делай я операцию, неизвестно, чем бы все это кончилось, как сложились бы моя дальнейшая судьба. Между прочим, у спортсменов есть специальные врачи, у нас же, в балете, ничего подобного нет, хотя чисто физические нагрузки и риск получить повреждение не меньше, чем в спорте.

— Вряд ли вы думали о подобных неприятностях, когда в детстве мечтали стать балериной...

— Как ни странно, в детстве я никогда не думала об этой профессии. Мой папа, геолог, еще будучи студентом, играл в баскетбол. Был членом сборной Тбилисского университета. И своих детей, меня и двух моих старших братьев Левона и Георгия, воспитывал в спортивном духе. Мы все время бегали, прыгали, братья гоняли в футбол, а меня в шесть лет отдали, как тогда было модно, в секцию фигурного катания. Я даже была чемпионкой Грузии в своей возрастной группе. Однажды для показательного выступления фигуристов мне поставили «Умирающего лебедя» Сен-Санса. Сшили настоящую балетную пачку с перьями — все, как положено. Так случилось, что мой танец на льду увидела Алла Двали, балерина, преподававшая в нашей секции хореографию. Ей понравилась выступление, и она стала меня уговаривать поступить в балетное училище, потому что у меня, по ее словам, были хорошие задатки и возраст подходил — как раз десять лет. Особенно она упирала на то, что, став танцовщицей, я буду исполнять партии принцесс, мне будут аплодировать, дарить букеты цветов, меня жлет слава и все такое, чем можно вскружить голову девочке. Родители не возражали: пусть дочка поучится танцевать, это не помешает в жизни. Так совершенно случайно я ока-

залась в балетном училище. А через четыре года произошел случай, который в очередной раз подкорректировал мою судьбу: к нам приехала педагог московского училища Елена Николаевна Жемчужина, которая обратила внимание, какие сложные для моего возраста партии я танцевала. Она и посоветовала моей маме отправить меня в Москву, и эта рекомендация сразу стала известна всем: родным, знакомым, ученикам и педагогам. Кругом только об этом и говорили. И лишь мой папа отнесся к новости скептически: «Это здесь Нина первая, а в Москве может оказаться последней». Однако мама уже загорелась, и в августе она привезла меня в столицу.

Наше пребывание в Москве — сплошные курьезы, рассказать все смешные истории, что случались со мной в приемной комиссии и на экзамене, — никто не поверит. Например, на последнем экзамене я упала в обморок.

— От волнения? — Конечно. Представляете: несколько абитуриентов перед длинным столом, за которым сидит огромная приемная комиссия, преподаватели училища, бывшие балерины и танцовщики, о которых мы раньше много слышали. Все так серьезно, что, когда урок закончился, я отключилась. Очнулась: лежу на кушетке в медпункте училища, меня шлепают по щекам...

— Сейчас вы смеетесь, а в ту минуту плакать хотелось?

— Плакать мне приходилось много раз и позже, когда все самое страшное, казалось, было уже позади и меня зачислили в училище. Все радовались моему успеху, а папа запротестовал. Родных в Москве у нас не было, и жить мне пришлось бы в интернате. Самый младший ребенок, единственная дочка, одна в незнакомом городе. Никогда! Он, конечно, был прав. Москва — это другая страна по сравнению с остальными городами и республиками Советского Союза. Все другое: язык, культура, масштабы. Особенно когда приезжаешь с периферии. Да еще в таком возрасте. Она подталкивает. И тут свое слово сказала моя бабушка Екатерина Андреевна. Она в тот момент была персональной пенсионеркой, главным врачом больницы, уважаемым и известным в городе человеком, и, несмотря на свое благополучие и видное положение, она в свои 72 года решила бросить все, чтобы уехать в столицу вместе со мной.

— Как вы тут устроились? — Сняли комнату в многонаселенной коммунальной квартире. Обзавестись собственной в те времена было сложно, да и откуда деньги? Папа — кандидат наук, заведующий отделом в институте, мама — филолог. Заработки известные, а в семье трое детей, все учатся.

В Москве нам с бабушкой было трудно. Весь быт держался на ее плечах. Но не эта неустроенность была самым тяжелым испытанием. Дело в том, что я была иностранкой. Тогда бы меня определили в класс со специальным изучением русского языка. А поскольку я приехала из Грузии, считалось, что русский язык я и так знаю, но в Тбилиси я училась в грузинской школе и русский язык знала на бытовом уровне. И когда в Москве мне пришлось отвечать на уроках математики, физики, химии, я просто не понимала, о чем меня спрашивают.начала даже спросила меня: «Девочка, ты когда-нибудь чему-нибудь училась?»

Это был шок. У меня, прежде круглой отличницы, у которой «четверки» в дневнике были редкостью, пошли «двойки» и «колы». Чтобы как-то исправить впечатление о моих знаниях, мама прислала мои старые тетради с «пятерками» в училище: мол, должны увидеть, что я когда-то хорошо училась. И педагоги решили, что месяца два не будут меня спрашивать, дадут время на адаптацию. И моим преподавателем стала бабушка. Из Тбилиси родители прислали учебники на грузинском. В те времена все школьные программы и тексты учебников были иден-

тичны, слово в слово, так что мы с бабушкой все задачки, примеры и тексты сначала читали по-грузински, потом сравнивали с русскими, и таким образом я осваивала новые для себя формулировки и термины. Хорошо, что моя бабушка училась когда-то в гимназии и с тех пор помнила все предметы, так что могла мне растолковать что к чему.

И в том, что я закончила училище, на пятьдесят процентов заслуга бабушки.

— Но и вам, как я понимаю, пришлось выкладываться по полной программе...

— Конечно. Но мы, балетные дети, с малых лет привыкли работать. Кроме общеобразовательных предметов у нас еще занятия в балетном классе, репетиции. Мы слишком рано понимаем, что без каторжного труда ничего не добьемся в выбранной профессии. Кто это не понял — того безжалостно отчисляют. Ну а мне было тяжело еще, если можно так сказать, чисто в моральном отношении. В грузинском языке нет родов. И хотя я знаю, как правильно сказать по-русски, все равно, когда начинаешь говорить быстро, все время выскакивает: «Он пошла», «она пошел». Класс умирает со смеху. Знаю, что не со зласти. Знаю, что, заговори мои одноклассники по-грузински, я бы тоже смеялась. Тем не менее мне было всего 14 лет. Я девочка. Пыталась

Вы никогда не задумывались, почему так рано ушли из жизни блестящие артисты Нуриев и Годунов? Они работали за пределами возможного... Они горели. Они надрывались. Нынешние на такое не способны.

философствовать: «Да, я ошиблась. Но это был хороший предлог вам повеселиться. Вот и отлично». Я действительно не обижалась. Они все были моими друзьями.

Между прочим, я училась в одном классе с Илзе и Андрисом Лиэпа. Друзьями мы остались и позже.

— Нина, уже тогда, наверное, у вас были кумиры — балерины, чью творческую жизнь вы мечтали повторить, добиться тех же успехов... — Кумиры точно те же, что и у обычных поклонников балета: Плисецкая, Уланова, Максимова, Васильев, Лавровский, Бессмертнова... Я всех их любила, к их творчеству относилась с восторгом, но думать о том, что смогу повторить их творческий успех... Такого даже в самых дерзких мечтах не было. Сама возможность попасть в Большой театр была таким недостижимым рубежом...

Я была уверена, что после училища буду распределена в Тбилиси. В те времена выпускники давали традиционный концерт в Большом театре. И как раз перед ним пошли разговоры, что театр закроют на ремонт, — они идут по сию пору, — и наше выступление перенесут на другую сцену. Я была ужасно огорчена: неужели мне так и не удастся станцевать на прославленной сцене? К счастью, театр на ремонт тогда не закрыли и я станцевала там в паре с Андрисом Лиэпой...

— Я помню тот концерт выпускников, помню и ваше выступление. Помню, как гадал: как сложится дальнейшая судьба этой молодой балерины, Нины Ананиашивили. Знатки тогда предсказали вам блестящую карьеру, были уверены, что вас пригласят в Большой. Ведь, насколько я помню, к тому времени вы уже были победительницей международного конкурса в Болгарии.

— Все правильно. Но в нашем мире самые радужные предсказания не всегда завершаются делом, чаще остаются авансами, разгово-

рами. Даже когда мне сказали, что бы 26 августа приезжала в Москву оформляться на работу, даже тогда у меня оставалось сомнение. Оформилась — поняла, что мечта сбылась...

— Какие мечты были у вас еще? — Ну это уже из области абсолютно несбыточных фантазий: мне ужасно хотелось повидаться с Джорджем Баланчиным...

— Потому что всемирно прославленный балетмейстер был вашим соплеменником — Георгием Милитоновичем Баланчивадзе?

— Само собой, приятно, что такая знаменитость — грузин, твой бывший соотечественник. Но я преклонялась перед ним и преклоняюсь теперь перед памятью об этом человеке за тот вклад, который он внес в искусство балета. Представляете, в семнадцать лет он окончил училище при Мариинском театре в Петрограде, а в девятнадцать впервые выступил уже в качестве балетмейстера. В двадцать лет, в 1924 году, он уехал за границу.

Мне хотелось просто встретиться с этим человеком, поговорить. О том, чтобы он поставил для меня какую-то партию, я и мечтать не смела. Не получилось: он умер раньше, чем я попала в Америку. Но в созданной им труппе мне все-таки удалось станцевать.

Он нынче там царь и бог. Культ его непререкаем. Они зовут его «мистер Би». «Мистер Би говорил так», «мистер Би любил это»... Создавалось ощущение, что он все время присутствует на спектакле, смотрит за происходящим на сцене со своего места в левой кулисе.

И когда я танцевала свою партию, мне казалось, что Баланчин наблюдает за мною оттуда. И после исполнения ко мне пришли бывшие его сподвижники и сказали: «Мистер Би был бы очень доволен». Для меня это был самый дорогой комплимент.

— Наш разговор как-то сам собой подошел к теме русско-балетной за границы. В былые годы разговор об этом мог идти только в двух планах: либо освещение триумфальных гастролей Большого и Кировского театров, либо бурное поношение сбывавшихся за границы их же балетных звезд. Сейчас же все происходит поспокойнее. И гастроль наших балетных коллективов и отдельных артистов идут без особого шума в нашей прессе. А если кто-то решил остаться за рубежом поработать подольше — тоже ничего. Будто так и надо...

— А ведь на самом деле так и надо. Я, например, сегодня четко знаю, сколько и каких спектаклей я должна станцевать в Большом в течение сезона. В остальное время я могу гастролить себя в стране или за рубежом. Если бы такие условия артисты имели и в те времена, никто бы куда не сбегал.

— А как Запад стал относиться к нашим танцорам, ныне хлынувшим на зарубежную сцену бурным потоком?

— Это непростой вопрос. Насколько я могла почувствовать, у наших западных коллег до сих пор сохранился, если можно так выразиться, комплекс неполноценности перед русским балетом. Приезжаешь в какую-нибудь труппу и слышишь: «У нас трое русских танцует». И непонятно, заявляют это с гордостью или с некоторым страхом, что у местных отбивают хлеб. Я даже как-то поспорил с ними на эту тему. Почему, спрашиваю, вы все говорите, что у вас двое-трое русских, а молчите о десяти танцующих у вас французах, пяти англичанах, еще нескольких танцоров и балеринах других стран? Задумались.

— Наши лучше? Сейчас на Западе пишут о снижении уровня наших артистов... — Наши лучше за счет того, что у нас школа очень хорошая. Что касается уровня, это правда. Раньше за рубежом гастролить в основном балеты Большого и Кировского. По ним судили о состоянии русского балета вообще. Сейчас же приез-

жают танцоры изо всех городов бывшего Советского Союза, где были балетные труппы. Естественно, их уровень пониже, но все они проходят под общим именем «русский балет». Откуда иностранному зрителю знать, что балет Большого — это одно, а Уфы, Минска, Новосибирска и так далее — это совсем другое...

— Меня удивляет, что никто из нынешних гастролеров не смог достичь на Западе тех вершин, которые были покорены там прежними беглецами. Практически все возвращаются домой несолоно хлебавши, и от прежней самоуверенности не осталось следа...

— Это объяснимо. Раньше убежали звезды первой величины, редкие дарования, которые появляются на сцене не так часто. Среди нынешнего поколения таких, к сожалению, нет. К тому же, совершив побег, эти блестящие артисты автоматически лишили себя возможности вернуться на родину. У них оставалось одно — своим талантом, изнурительным трудом доказать, что их поступок имел смысл. Они горели. Они надрывались. Вы никогда не задумывались, почему так рано ушли из жизни и Нуриев, и Годунов? Они работали за пределами возможного... Нынешние на такое не способны.

И еще. Самая трудная проблема для наших за рубежом — там совершенно иной ритм, стиль работы. У наших не хватает внутренней самодисциплины, чтобы не нарушать заданный жесткий режим.

— Под нарушением режима вы имеете в виду слабость к алкоголю?

— Нет, хотя иногда случается и такое. Я говорю о жестком режиме и дисциплине в самом широком смысле. У нас артист может себе позволить опоздать на урок, репетицию, а то и на спектакль. Там это исключено. Никто не станет вести с нарушителем душевительных бесед — просто вежливо укажут на дверь.

И конечно, бешеный темп. Постановки стоят дорого, поэтому репертуар там идет блоками. Помню, в Бостоне я была поражена, что в месяц там прошло 35 спектаклей «Лебединого озера». Понятно, у солистов выступлений меньше, я, например, танцевала всего шесть раз. Зато кордебалет выходил на сцену ежедневно, иногда дважды. Это невыносимо — танцевать без остановки одно и то же. Люди просто шизели, приходилось держаться на таблетках. Но по-другому у них просто нельзя: дорого. Для наших такой темп слишком тяжок.

— Некоторые утверждают, что наш балет переживает пору упадка. Стал неинтересен зрителю...

— У меня тоже болит сердце по этому поводу. Слишком многое сошло сейчас против балета. Бессспорно, в нашем виде искусства раньше был очень талантливый народ. Но имена, звезды создавались ко всему прочему еще и высокопрофессиональной балетной критикой, телевидением. Я не хочу сказать, что незаслуженно рекламировали каких-то артистов, вовсе нет. Шла грамотная пропаганда нашего вида искусства, людям показывали и объясняли, что такое хорошо, а что менее удачно. Сейчас же, не будь питерского канала, балет вообще бы исчез с экранов телевизоров. Мы все-таки уникальная страна. В той же Америке много хорошего в культуре, что можно было бы с пользой позаниматься и нам. Мы же берем самое плохое, быстро этому учимся. Обидно...

Леонид ПЛЕШАКОВ.

Это невыносимо — танцевать без остановок одно и то же. Люди просто шизели, приходилось держаться на таблетках. Но по-другому у них просто нельзя: дорого. Для наших такой темп слишком тяжок.

